

С. А. Баканов

«Призрак безработицы»: проблема трудоустройства шахтеров и членов их семей в угледобывающих районах РСФСР в конце 1950-х — начале 1970-х гг.*

13 марта 1930 г. закрылась Московская биржа труда. Считается, что с этого момента и вплоть до рыночных реформ 1990-х гг. СССР был первой и долгое время единственной в мире страной, сумевшей полностью победить безработицу. Достижение полной занятости признавалось одним из самых важных завоеваний социалистической модели развития и ее несомненным преимуществом перед странами капитализма. Проблемам ликвидации безработицы в СССР в 1920–1930-е гг. уделено большое внимание как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Эта тема изучалась с середины 1920-х гг. и продолжает оставаться популярной до сих пор. Только в период 1992–2017 гг. по различным аспектам данной темы было защищено более 20 кандидатских и докторских диссертаций¹.

Между тем в советских экономических реалиях середины и второй половины XX в. феномен массовой безработицы, пусть и под идеологически более благозвучным названием «трудности с трудоустройством» проявлялся неоднократно. Например, в 1946 г. около трети вернувшихся с войны фронтовиков длительное время не могли найти работу², а в 1956 г., в связи с масштабным сокращением армии, проходившим одновременно с амнистиями и реабилитациями заключенных, только в РСФСР не имели работы более 75 тыс. чел.³ Однако эти кризисные явления еще не носили системного характера и не поражали своим негативным воздействием

*Баканов Сергей
Алексеевич*
доктор исторических
наук, доцент,
Челябинский
государственный
университет
(Челябинск, Россия)

целые регионы или городские агломерации. Ситуация в корне изменится на рубеже 1950-х — 1960-х гг. когда из-за структурных сдвигов в экономике, вызвавших изменение топливно-энергетического баланса СССР, в тяжелом положении окажется одна из базовых отраслей советской индустрии — угольная промышленность. Цель настоящей статьи — изучение причин проблем с трудоустройством, возникших в ряде углепромышленных территорий РСФСР в конце 1950-х — начале 1970-х гг., а также путей их решения.

Роль угля в мировом топливном балансе начала существенно меняться в 1950-е гг. в связи с технологическими сдвигами, основанными на широком использовании альтернативных углю источников энергии — нефти и природного газа. В Советском Союзе эти общемировые процессы также проявились достаточно сильно. Так, по плану семилетки (1959–1965 гг.) предполагалось сократить удельный вес угля в энергобалансе СССР с 59,9 % до 43 % за счет замещения его другими видами углеводородов. Эта энергетическая стратегия получила название «газовая пауза». Нефть и газ по себестоимости добычи были дешевле угля, а цены на эти углеводороды на мировых рынках до середины 1970-х гг. оставались относительно низкими, что позволяло использовать их для энергетического перевооружения экономики СССР. Уголь терял одну сферу своего применения за другой: на железных дорогах происходил переход от паровозов к локомотивам следующего поколения, работающим на мазуте и электротяге; большинство электростанций и городских котельных переходило на газовое топливо; даже в металлургии газ начал постепенно вытеснять уголь. При этом добыча угля в СССР продолжала нарастать. Прирост в 1960–1970-е гг. составлял в среднем 1,3 % в год и поддерживался за счет экстенсивного вовлечения в оборот новых месторождений на востоке страны и повышения уровня механизации отрасли.

Снижение доли принудительного труда в угледобывающей отрасли, а затем и окончательный отказ от его использования, произошедшие в середине 1950-х гг., привели к формированию новой проблемы, связанной с привлечением рабочих рук в угольную промышленность. Чтобы сохранить и укрепить трудовые коллективы угледобывающих предприятий, государство было вынуждено существенно повысить заработную плату шахтеров. Отрасль вышла на первое место в СССР по уровню заработной платы. Если в 1950 г. средняя заработная плата шахтеров составляла 1225 руб. в месяц, то к 1960 г. она поднялась до 1710 руб.⁴ Однако, учитывая, что доля заработной платы горняков в структуре себестоимости угля при подземном способе добычи составляла от 40 до 60 %, это означало, что рост заработной платы горняков приводил к падению общей рентабельности отрасли⁵. По оценке министра угольной промышленности СССР Б. Ф. Братченко, к 1958 г. 78 % всех угледобывающих предприятий в стране стали планово-убыточными⁶, а в 1960-е гг. уже около 90 % угольных трестов и комбинатов в СССР получали госдотацию на покрытие издержек производства⁷, размер которой достигал в отдельные годы 1,5 млрд руб.⁸

Обнаружившиеся проблемы с рентабельностью, казалось бы, должны были заставить руководство отрасли заняться концентрацией производства в наиболее экономически эффективных и перспективных территориях, но этому помешал ряд социальных проблем, накопленных отраслью в предшествующие десятилетия.

Одним из первостепенных социальных вопросов стала проблема трудоустройства женщин, высвобождающихся с подземных работ в шахтах в соответствии с вышедшим в 1957 г. Постановлением Совета Министров СССР и ВЦСПС «О мерах по замене женского труда на подземных работах в горнодобывающей промышленности и на строительстве подземных сооружений»⁹. Доля женщин на предприятиях отрасли в середине 1950-х гг. превышала 20 % от всех трудящихся. На протяжении 1958 г. на поверхность было выведено 40 590 женщин, большая часть из которых нуждалась в трудоустройстве. На 1 января 1960 г. под землей еще оставалось работать 50 885 женщин¹⁰. В 1961 г. СССР присоединился к международной Конвенции № 45 о запрете труда женщин в шахтах, однако полностью с подземных работ женщины были выведены только в 1966 г.

Очень эмоциональным было выступление по этому вопросу одного из делегатов IV съезда профсоюза рабочих угольной промышленности: «Товарищи! Мы вывели женщин из шахт. Женщины наши — жены, сестры и матери проделали колоссальную работу в годы Великой Отечественной войны, они были на самых ответственных участках. И куда их теперь девать? Куда трудоустроить?»¹¹

Постановление 1957 г. предусматривало, что решением проблем трудоустройства женщин должны будут заниматься создававшиеся в то время совнархозы, однако эти новые органы хозяйственного управления не имели достаточных финансовых ресурсов для его выполнения. Поэтому потребовались дополнительные законодательные инициативы, детально описывающие необходимые меры для конкретных угольных бассейнов. Так, в 1959 г. вышло Постановление Совета Министров РСФСР «О строительстве в Печорском угольном бассейне предприятий для трудоустройства женщин, высвобождаемых с подземных работ на угольных шахтах»¹², которое предусматривало: в Воркуте в 1960–1962 гг. построить швейную фабрику на 220 машин; пивоваренный завод производительностью 160 тыс. декалитров в год; цех безалкогольных напитков на 25 тыс. декалитров в год; молокозавод на 20 т молочной продукции в сутки; фабрику-кухню с залом на 300 мест производительностью 20 тыс. блюд в сутки, а в городе Инта в 1961–1963 гг. — трикотажную фабрику мощностью 2–3 млн штук верхнего трикотажа в год; молокозавод на 10 т молочной продукции в сутки. Постановление обязывало Совет Министров Коми АССР обеспечить организацию сети ателье индивидуального пошива одежды в городах Воркута и Инта и предоставить им помещения, освобождающиеся в связи с объединением угольных шахт. Предполагалось, что строительство всех этих объектов позволит трудоустроить около 4 тыс. женщин¹³. К сожалению, сроки строительства запланированных объектов полностью реализовать не удалось, и для многих женщин-горнячек проблема трудоустройства продолжала оставаться актуальной довольно долгое время.

Одновременно с проблемой трудоустройства женщин обнаружился еще ряд негативных тенденций в сфере занятости в шахтерских территориях, которые также требовали немедленной реакции. Так, крайне тяжелое положение сложилось в Подмосковном угольном бассейне, где в одной только Тульской области в связи с планируемой отработкой в 1959–1965 гг. 44 угольных шахт могли потерять работу одновременно около 40 тыс. трудящихся. Правительственная комиссия, отправившаяся в регион, установила, что за 1958–1959 гг. в Донском районе было

выработано 7 шахт, на которых работало 5 тыс. чел., а в 1960–1961 гг. ожидалось закрытие еще двух шахт, на которых было занято 1500 рабочих. Кроме того, школы района ежегодно выпускали по 300 юношей и девушек, которых тоже нужно было куда-то трудоустроить. Все это привело к тому, что по состоянию на 1959 г. в районе насчитывалось более 3,5 тыс. чел., не занятых полезным трудом, притом что на всех действующих в районе предприятиях промышленности, строительства и транспорта численность трудящихся и без того уже была выше плановой¹⁴. В советской политической системе, где безработица считалась идеологически недопустимым явлением, такие неблагоприятные прогнозы по занятости потребовали немедленной реакции правительства.

В 1959 г. ряду министерств и ведомств было вменено в обязанность построить 15 новых промышленных предприятий на территории Тульского совнархоза, в том числе: в городе Донском — завод радиовакуумной керамики и фабрику кожгалантереи; в Северо-Задонске — заводы приемно-усилительных ламп и запчастей для трамваев и троллейбусов; в Богородицке — заводы теххимических полуфабрикатов, трансформаторов и асбесто-технических изделий; в Кимовске — заводы коммутационно-установочных изделий и специальной радиоаппаратуры ПВО; в Киреевске — фабрику щипаной слюды; в Сталиногорске — завод газовой аппаратуры; в поселках Узловского района — заводы аппаратуры уплотнения релейных линий, по ремонту автомобильных дизельных двигателей, а также плавленых сыров и крахмало-паточный. Однако ответственные ведомства не торопились приступить к выполнению этих постановлений, и к середине 1960 г. строительство ни одного из запланированных объектов так и не началось. Поэтому Тульский совнархоз вынужден был просить правительство выделить в 1960 г. дополнительно 28,4 млн руб. на проведение изыскательных и подготовительных работ в районах запланированного строительства¹⁵.

В 1960 г. тревожные сигналы начали поступать из крупнейшего советского угольного бассейна — Донбасса. Ростовский обком КПСС, облисполком и совнархоз обратились в Совет Министров РСФСР с просьбой рассмотреть вопрос о трудоустройстве трудящихся, высвобождающихся в связи с отработкой шахт. Ожидалось, что в 1961–1965 гг. освободится более 40 тыс. рабочих, а с учетом выведенных в 1959–1960 гг. с подземных работ 6 тыс. женщин и 1 тыс. рабочих, заболевших силикозом, — всего 47 тыс. чел. Строительство новых шахт и обогачительных фабрик могло занять только около 6 тыс. рабочих. Следовательно, возникал излишек рабочей силы в 40 тыс. чел. Предлагаемый в письме проект строительства 26 промышленных предприятий и 25 предприятий местной промышленности мог обеспечить занятость до 50 тыс. чел.¹⁶

Правительственная комиссия, направленная в регион, установила, что в 1959 г. из-за закрытия шахт, вывода женщин с подземных работ, вывода с силикозоопасных забоев рабочих моложе 20 лет в Ростовской области возникли трудности с трудоустройством у 27 тыс. чел. В 1960–1965 гг. планировалось закрыть по комбинату еще 21 шахту, что высвобождало еще 17,9 тыс. рабочих, а в 1966–1970 гг. должны были закрываться шахты с общей численностью шахтеров 22 тыс. чел. Избыток нетрудоустроенного населения только до конца семилетки в угольных районах Ростовской области мог увеличиться до 50 тыс. чел. за счет демобилизованных

Таблица 1
**Численность рабочей силы, нуждающейся в трудоустройстве,
 к 1965 г. по городам Ростовской области (чел.)¹⁸**

Категория рабочих	Шахты	Новошахтинск	Гуково и Зверево	Донецк	Белая Калитва
Рабочие, выведенные в связи с закрытием шахт	8897	3137	2806	798	2314
Женщины, выведенные с подземных работ	2667	1486	754	984	35
Рабочие, выведенные в связи с заболеванием силикозом	427	306	132	69	–
Нетрудоспособное население	1421	2695	126	1685	395
Учащиеся школ профтехобразования	5095	3500	2550	825	1045
Учащиеся общеобразовательных школ	15 300	8465	6132	3314	960
Учащиеся техникумов	4573	–	731	–	1070
Увольняемые из вооруженных сил	2205	1446	851	500	300
Рабочие из мест заключения	378	42	141	80	–
Итого	40 963	21 077	14 223	8255	6119

из рядов Советской Армии, выпускников средних школ, ремесленных училищ и т. д. По отдельным городам в 1959 г. было не трудоустроено: Шахты — 12,4 тыс. чел., Новошахтинск — 6,5 тыс. чел., Донецк — 3,3 тыс. чел., Гуково-Зверево — 3,2 тыс. чел., Белая Калитва — 1,5 тыс. чел.¹⁷ К концу семилетки по всем прогнозам ситуация должна была усугубиться (табл. 1.) Суммарно по всем шахтерским городам Ростовской области к 1965 г. без работы могло остаться более 90 тыс. чел., что составляло около 4 % от всего трудоспособного населения региона. А для самих этих городов доля нуждавшихся в трудоустройстве находилась на уровне 19–22 % от их населения.

Оставить без внимания ситуацию в главном угольном бассейне страны правительство не могло. 24 сентября 1960 г. вышло Постановление Совета Министров РСФСР «О строительстве в районах отработываемых угольных шахт Ростовской области промышленных предприятий и предприятий бытового обслуживания в 1961–1968 гг.»¹⁹. В целях трудоустройства трудящихся было решено построить 26 промышленных предприятий и 25 предприятий местной промышленности

и бытового обслуживания с общим объемом валовой продукции — 4,3 млрд руб. в год. Сметная стоимость предприятий местной промышленности — 36 млн руб. Здания и сооружения закрываемых шахт передавались мебельной и ковроткацкой фабрике. Пункт 9 Постановления предписывал «обязать Ростовский облисполком и Главное управление переселения и организованного набора рабочих при Совмине РСФСР направить в 1960–1961 гг. в порядке оргнабора в Кемеровский совнархоз для строительства шахт и обогатительных фабрик Кузбасса 4 тыс. рабочих, высвобождающихся в связи с ликвидацией отработанных шахт в Ростовской области»²⁰. По ведомости промышленных объектов, подлежащих строительству, в городе Шахты должны были построить: завод торгового оборудования (сметная стоимость — 75 млн руб.), завод глубинных нефтяных насосов (60 млн руб.), станкостроительный завод (110 млн руб.), завод фаянсовой посуды (25 млн руб.); в городе Новошахтинске: завод тяжелых ленточных конвейеров (150 млн руб.), швейную фабрику (15 млн руб.), цех крупнопанельного домостроения (15 млн руб.); в городах Гуково и Зверево: швейную фабрику (15 млн т), завод дорожных машин (120 млн руб.), молокозавод (15 млн руб.); в городе Донецке: швейную фабрику (15 млн руб.), трикотажную фабрику (31 млн руб.), прядильно-хлопчатобумажную фабрику (130 млн руб.), экскаваторный завод (250 млн руб.), завод железобетонных изделий (10 млн руб.); в городе Белая Калитва и поселке Коксовый: завод котлов малой мощности (120 млн руб.), овчинно-меховую фабрику (60 млн руб.), шерстомойку (50 млн руб.). Итого — 1266 млн руб.²¹

Одновременно с Донбассом и Подмосбассом еще один угольный бассейн столкнулся с проблемой избыточных рабочих рук. Пермский совнархоз в начале 1960-х гг. неоднократно обращался в Совет Министров с просьбой решить вопрос о трудоустройстве освобождающихся работников закрываемых шахт путем строительства новых крупных предприятий других отраслей. Однако Госплан РСФСР сообщил, что по его генеральной перспективе на территории бассейна в 1961 г. было запланировано только строительство завода деревообрабатывающего инструмента и чулочной фабрики. Характер труда и объем производства на этих предприятиях были таковы, что на них можно было занять только членов семей шахтеров и небольшую часть вспомогательного персонала. Поэтому Пермский совнархоз просил запланировать размещение более крупных промышленных объектов²². К этому времени доля занятых в угольной промышленности составляла по городам бассейна: в Кизеле — 70 %, в Гремячинске — 88 %, в Губахе — 57 %. Было подсчитано, что непроизводственные основные фонды (здания и сооружения городской инфраструктуры) в Кизеловском бассейне стоили свыше 700 млн руб., а шахты и другие промышленные предприятия бассейна добавляли еще 400 млн руб.²³

С 1968 по 1980 г. в Кизеловском бассейне по перспективному плану Минуглепрома должно было закрыться 14 шахт и высвободиться 8 тыс. чел. Вместе с тем в городах бассейна уже имелись неиспользуемые трудовые ресурсы более 5 тыс. чел., в основном женщин. Ежегодно в городах бассейна школы заканчивали свыше 6 тыс. чел. Молодежь не имела не только выбора профессий, но и возможности трудоустройства. Наиболее острое положение с трудоустройством населения сложилось в городе Гремячинске. На угольную промышленность здесь

приходилось 90 % всего производственного персонала и 96 % основных производственных фондов города. Из четырех шахт, расположенных в черте города, к 1972 г. три должны были закрыться в связи с отработкой запасов угля. Решениями Правительства РСФСР в разное время предусматривалось строительство в Кизеле — 7 предприятий на 12 тыс. трудящихся, в Губахе — 7 предприятий на 10 тыс. чел., в Гремячинске — 4 предприятий на 9 тыс. чел. Однако строительство этих предприятий общесоюзными и союзно-республиканскими министерствами так и не было предусмотрено в плане или же было отложено на неопределенное время. За пять лет была введена только швейная фабрика в Кизеле на 2,3 тыс. мест. Не видя перспектив для трудоустройства, часть населения покинула города бассейна. Выезд населения с каждым годом возрастал. Если в 1959 г. отток составил 3,2 тыс. чел., то в 1966 г. уже 9,9 тыс. чел. Всего за 1959–1967 гг. из этих городов выбыло свыше 65 тыс. чел., а естественный прирост составил только 42,6 тыс. чел.²⁴

Из переписки Пермского обкома КПСС с Госпланом СССР за 1968 г. видно, что в текущей пятилетке предусматривалось строительство трикотажной фабрики в городе Гремячинске и фабрики бельевого трикотажа в Губахе, а также строительство шахты № 1–2 Шумихинская в Гремячинске. Строительство других предприятий, указанных в письмах Совмина РСФСР и Пермского обкома КПСС, в 1969–1970 гг. не предусматривалось по мотивам ограниченности капитальных вложений. Проектом основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1971–1975 гг. намечалось: в городе Кизеле построить завод дереворежущего инструмента, завод прессов и ковочных машин, кабельный завод, завод резиновых изделий народного потребления; в городе Губахе — завод полиграфического оборудования, хлопкопрядильную фабрику, фабрику бельевого трикотажа; в городе Гремячинске — арматурный завод, вентиляторный завод, фабрику верхнего трикотажа. Вместе с тем Госпланом РСФСР также были внесены предложения о строительстве шахты Косьва № 1–3 и завода по производству холодильной аппаратуры в городе Губахе. Но все эти предложения не были поддержаны профильными министерствами²⁵.

В 1968 г. во исполнение Постановления Совмина РСФСР от 18 июля 1968 г. «О мерах по улучшению бытового обслуживания и трудоустройству населения Кизеловского угольного бассейна»²⁶ было образовано новое предприятие — Губахинский завод механической и электротехнической игрушки. Это сразу дало 700 рабочих мест, кроме того, новые рабочие места появились в быткомбинате — 70 мест, леспромхозе — 8 мест, жилищно-коммунальном хозяйстве — 15 мест. В Гремячинске была сдана швейная фабрика на 409 мест. Было направлено для работы в городах Кизеловского угольного бассейна 35 врачей и 76 чел. среднего медперсонала. Правда, при этом выбыли — 41 врач и 85 чел. среднего медперсонала²⁷.

Когда в конце 1960-х гг. Секретариат ЦК КПСС поручил Госплану СССР рассмотреть вопрос о строительстве новых промышленных предприятий в угольных районах Пермской области, в ходе обсуждения обнаружилось, что подобные проблемы испытывают угольные районы всего Урала, а не только Кизеловского бассейна. В конце 1960-х гг. на комбинатах «Кизелуголь», «Челябинскуголь» и «Вахрушевуголь» было занято более 120 тыс. чел. Ожидалось, что в результате

отработки запасов к 1980 г. высвободится около 48 тыс. горняков, что вместе с членами их семей превысит 130 тыс. чел.²⁸

В 1969 г. с письмом к Л. И. Брежневу и А. Н. Косыгину обратились представители партийных и государственных органов еще одного уральского шахтерского города — Волчанска. Они писали: «Забота о будущем города заставляет нас обратиться непосредственно к Вам, ибо, если вопрос о нашем городе не будет решен сегодня, завтра его ожидает участь захудалого поселка. В 1956 г. Волчанск был преобразован в город с населением в 31 тыс. жителей, из которых к 1969 г. осталось только 21 тыс. человек по причине отсутствия работы»²⁹. Авторы письма пытались убедить руководителей СССР в том, что все необходимые условия для строительства в городе нового крупного промпредприятия имеются: «Город хорошо благоустроен, в среднем на одного жителя приходится 8,8 м² жилья, ни одна семья не живет в бараке, 62 % общественного фонда имеют водопровод, центральное отопление и канализацию, решена проблема детских учреждений, есть своя строительная база и резерв энергии на подстанциях»³⁰. Ответа на это письмо не последовало.

В 1975 г. Совмин РСФСР вынужден был вновь вернуться к вопросу о ходе выполнения Постановления Совета Министров РСФСР от 18 июля 1968 г. «О мерах по улучшению обслуживания и трудоустройству населения Кизеловского угольного бассейна». Большая часть объектов в городах Кизел и Губаха, предусмотренных двумя постановлениями 1968 и 1970 гг., была построена, кроме двух трикотажных фабрик и мясокомбината³¹. Однако в Гремячинске ситуация вновь оказалась близка к критической. В девятой пятилетке здесь было предусмотрено строительство двух трикотажных фабрик, завода печатно-высекательных полиграфических машин и завода передвижных бетоносмесительных машин. Однако данные объекты так и не были построены, что можно проследить по письмам гремячинцев, направленным в Пермский обком: «Приезжали к нам визитеры, намеревавшиеся, вроде бы, построить то трикотажную фабрику, то еще что-то, но, как переборчивая невеста, уезжали — то рельеф местности не нравится, то далеко от столицы, то еще что-нибудь»³².

Из приведенных примеров видно, что в ряде регионов полностью преодолеть трудности с трудоустройством до конца 1960-х гг. так и не удалось, а в 1970-е гг. эти проблемы стали осложняться еще и тем, что реконструкция действующих шахт должна была сопровождаться их комплексной механизацией, что, в свою очередь, вело к высвобождению значительного числа рабочих рук (табл. 2).

Всего за 1971–1975 гг. в угольных бассейнах РСФСР высвобождалось более 57 тыс. чел. и еще более 88 тыс. чел. в УССР. Столь неблагоприятный прогноз в условиях, когда отрасли еще не удалось полностью справиться с предыдущей волной так называемых трудностей с трудоустройством, поставил вопрос о необходимости корректировки государственной стратегии в сфере преодоления этих «трудностей». Ранее, на рубеже 1950-х — 1960-х гг., стратегия основывалась на замещении выбывающих производств угольной промышленности предприятиями других отраслей. Плановые органы считали, что поскольку производственная и социальная инфраструктура в территориях с выбывающими угледобывающими производствами уже возведена, то строительство новых предприятий можно

Таблица 2

Численность шахтеров, высвобождающихся в связи с осуществлением комплексной механизации предприятий угольной промышленности в 1971–1975 гг. (чел.)³³

Комбинаты	1971 г.	1972 г.	1973 г.	1974 г.	1975 г.
Кизелуголь	635	2328	1375	442	548
Кузбассуголь	2370	3568	2092	2140	1779
Ростовуголь	332	3404	3371	2228	3067
Тулауголь	3016	2396	1470	2631	3431
Челябинскуголь	1768	1071	927	653	428
Комбинаты РСФСР всего	8763	14 057	12 989	8817	13 121
Комбинаты УССР всего	15 005	14 550	14 145	21 240	23 865

будет осуществлять с удешевлением сметы на 40 %. Однако непосредственно при проектировании новых промышленных объектов выяснилось, что надшахтные сооружения, как правило, были непригодны для размещения крупных производств, а имеющиеся объекты социальной инфраструктуры располагались слишком далеко от промплощадок проектируемых заводов. В результате прогнозируемого удешевления сметы нового строительства не происходило. Кроме того, из-за разницы в оплате труда по сравнению с другими отраслями многие шахтеры предпочитали переезжать в регионы, где их труд еще оставался востребованным, что, в свою очередь, приводило уже к нехватке рабочей силы на вновь построенных предприятиях. Наиболее наглядно эти проблемы проявились в Подмосковном угольном бассейне³⁴.

Поэтому во второй половине 1960-х гг. правительство было вынуждено изменить стратегию. Совет Министров вынужден был отказаться от практики размещения выбывающих производств предприятиями других отраслей и перешел к практике продления сроков эксплуатации действующих добычных мощностей при одновременном перераспределении рабочей силы в пользу новых угольных бассейнов на востоке страны. Это позволяло при относительно небольших затратах одновременно сохранять рабочие места в старопромышленных районах и питать кадрами районы нового освоения. Для решения этих задач в структуре Минуглепрома СССР в 1969 г. была создана специальная комиссия, которая предложила использовать высвобождающихся шахтеров на комбинатах «Кузбасскарьеруголь» и «Иртышуголь», испытывавших нехватку рабочей силы³⁵. Однако в силу того, что расходы по поддержанию жизнеспособности отработавших свой век шахт ложились на плечи Минуглепрома, такая практика вела к дальнейшему снижению рентабельности угледобывающей отрасли. Получалось, что вместо повышения эффективности производства был избран путь дальнейшей дотации, ведущей к консервации социальных проблем углепромышленных территорий. В конечном счете эта политика и приведет к масштабному шахтерскому протесту конца 1980-х гг. и последовавшей за ним реструктуризации отрасли.

Подводя итоги, отметим, что описанная в настоящей статье волна безработицы (или как ее было принято называть в официальных документах, «трудностей с трудоустройством»), разразившаяся в ряде территорий с конца 1950-х гг., имела ряд отличительных черт, выделяющих ее на фоне других.

Во-первых, безработица носила очаговый характер, поражая только старопромышленные территории угледобычи — Донбасс, Подмосбас, Урал и отчасти Кузбасс. В этих бассейнах добыча угля продолжалась уже более полувека, и их ресурсная база в пределах освоенных районов уже была существенно изношена. При этом особенности поселенческой структуры отрасли, когда при каждой шахте создавался собственный рабочий поселок со всей социальной инфраструктурой, не позволяли легко переместить население с истощившихся участков на новые.

Во-вторых, именно эта волна продемонстрировала узость рынка труда в индустриальных моногородах. Градообразующие предприятия в таких поселениях поглощали до 90 % всех промышленных фондов и промышленного персонала, что в условиях сокращения их штатных расписаний означало невозможность для высвобождающегося работника трудоустроиться где-то еще в пределах данного города.

В-третьих, данная волна оказалась наиболее продолжительной в советской истории, так как для ряда углепромышленных городов трудности с трудоустройством растянулись почти на два десятилетия, в то время как предыдущие волны продолжались от нескольких месяцев в 1946 и 1956 гг. до нескольких лет в годы нэпа.

В-четвертых, в обстоятельствах, когда безработица считалась идеологически совершенно недопустимым явлением, правительство вынуждено было выработать стратегию по преодолению этих неблагоприятных тенденций. Однако в силу отраслевой специфики угледобычи меры, принятые правительством, оказались недостаточно эффективными и вели лишь к консервации социальных проблем шахтерских территорий. По сути, выделяемая угольщикам госдотация становилась своеобразной платой, с помощью которой правительство пыталось откупиться за свою неспособность кардинально решить социальные проблемы отрасли.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 15-31-01226.

¹ См., напр.: *Ильюхов А. А.* Политика советской власти в сфере труда 1917–1929 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999; *Богданов С. В.* Безработица в истории России XX века: причины, особенности, последствия: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2002; *Бухаренкова О. Ю.* Государственная политика по ликвидации безработицы в годы НЭПа: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008; и др.

² *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. С. 28–29.

³ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 185. Л. 29–37.

⁴ *Грунь В. Д., Зайденварг В. Е., Килимник В. Г., Мальшев А. Ю., Попов В. Н., Рожков А. А.* История угледобычи в России / под общ. ред. Б. Ф. Братченко. М., 2003. С. 226.

⁵ *Угольная промышленность СССР за 50 лет: статистический справочник.* М., 1968. С. 730–735.

⁶ *Перспективы развития угольной промышленности СССР / под общ. ред. Б. Ф. Братченко.* М., 1960. С. 415.

⁷ *Крутой пласт: шахтерская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен / под ред. Л. А. Гордона, Э. В. Клопова, И. С. Кожуховского.* М., 1999. С. 44–47.

- ⁸ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 14. Оп. 1. Д. 429. Л. 43.
- ⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-7416. Оп. 7. Д. 2958. Л. 1–3.
- ¹⁰ Райнеш Е. Не женское дело? // Уголь Кузбасса. 2015. № 5. Сентябрь — октябрь. С. 55.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. Р-7416. Оп. 7. Д. 2958. Л. 273.
- ¹² Там же. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 2969. Л. 1–2.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Л. 92.
- ¹⁵ Там же. Л. 72, 80.
- ¹⁶ Там же. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 5003. Л. 10.
- ¹⁷ Там же. Л. 12–19.
- ¹⁸ Там же. Л. 33.
- ¹⁹ Там же. Л. 1–2.
- ²⁰ Там же. Л. 1.
- ²¹ Там же. Л. 2.
- ²² РГАЭ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 23. Л. 43.
- ²³ Варламов С., Кибальчич А. Новь древнего Урала. М., 1975. С. 164–165.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 7073. Л. 58.
- ²⁵ Там же. Л. 6–7.
- ²⁶ Там же. Л. 9.
- ²⁷ Там же. Л. 49.
- ²⁸ РГАЭ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1614/18, Л. 4–5, 8, 10.
- ²⁹ Там же. Д. 2263/1. Л. 3.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 46. Д. 5132. Л. 2.
- ³² Пермский государственный архив новейшей истории. Ф. 105. Оп. 326. Д. 179. Л. 3.
- ³³ РГАЭ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2254/11. Л. 2–3.
- ³⁴ Баканов С. А. Советский опыт реструктуризации угледобывающей отрасли в конце 1950-х — 1970-е гг. на примере предприятий Подмосквовного угольного бассейна // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 2. С. 103–111.
- ³⁵ РГАЭ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1614/18. Л. 31.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Баканов С. А. «Призрак безработицы»: проблема трудоустройства шахтеров и членов их семей в угледобывающих районах РСФСР в конце 1950-х — начале 1970-х гг. // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 1. С. 195–207. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.113>
УДК: 94(47).084.9

Аннотация: Победа над безработицей в СССР признавалась одним из самых важных завоеваний социалистической модели развития и ее несомненным преимуществом перед странами капитализма. Между тем в советских экономических реалиях второй половины XX в. феномен безработицы, пусть и под идеологически более благозвучным названием «трудностей с трудоустройством», все же проявлялся. Об этом свидетельствуют ранее не вводившиеся в научный оборот документы из федеральных архивов. Наиболее тяжелой оказалась ситуация с трудоустройством, сложившаяся в конце 1950-х — начале 1970-х гг. в старопромышленных районах угледобычи: на Донбассе, в Подмосквовном угольном бассейне и на Урале. В этот период из-за структурных сдвигов в экономике, вызвавших изменение топливно-энергетического баланса СССР, угольная промышленность начала испытывать ощутимые трудности с рентабельностью производства, которые дополнялись и осложнялись социальными проблемами отрасли. Вывод из шахт трудящихся там женщин, подростков и больных силикозом обострил в конце 1950-х гг. конкуренцию за рабочие места в шахтерских моногородах. Закрытие нескольких

десятков шахт в связи с исчерпанием их запасов привело к тому, что проблемы с трудоустройством затронули десятки тысяч человек в старопромышленных угледобывающих территориях. Безработица здесь носила очаговый характер, поражая городские агломерации, связанные с угледобычей. Волна безработицы продемонстрировала узость рынка труда в индустриальных моногородах. Градообразующие предприятия в таких поселениях поглощали до 90 % всех промышленных фондов и промышленного персонала, что в условиях сокращения их штатных расписаний означало невозможность для высвобождающегося работника трудоустроиться где-то еще в пределах данного города. Правительство выработало стратегию по преодолению этих неблагоприятных тенденций. Однако в силу отраслевой специфики угледобычи меры, принятые правительством, оказались недостаточно эффективными и привели лишь к консервации социальных проблем шахтерских территорий.

Ключевые слова: история угольной промышленности, шахтеры, безработица, СССР, проблемы трудоустройства, советская экономика.

Сведения об авторе: *Баканов С. А.* — д-р ист. наук, доц., Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия); bakanov-s@mail.ru

FOR CITATION

Bakanov S. A. "The Unemployment Ghost": A problem of Miners' and Their Family Members' Employment in Coal-mining Regions of the RSFSR at the End of the 1950s and the Beginning of the 1970s', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 1, 2018, pp. 195–207. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.113>

Abstract: The elimination of unemployment in the USSR was considered as one of the most important accomplishments of the socialist development model and its undoubted advantage over capitalist countries. Nevertheless, in the second half of the 20th century unemployment was yet present in the Soviet economic realities though it had an ideologically harmonious name "employment difficulties". Evidence is presented from the papers from the federal archives which have not been published before. The most difficult unemployment situation was in the old industrial coal-mining regions: in the Donbass, in the Moscow-area coal basin and in the Urals at the end of the 1950s and the beginning of the 1970s. In this period the coal-mining industry had difficulties in profitability and social problems because of structural shifts in the economy which caused changes in the fuel and energetic balance of the USSR. The women, teenagers and silicosis sick lost their job on mines which caused employment competition in coal-mining-dominant cities at the end of the 1950-s. Shutting down scores of mines caused unemployment problems for tens of thousands of people in old industrial coal-mining regions. Unemployment here had a cellular nature; it hit coal-mining towns. Unemployment demonstrated the labor market tightness in industrial cities. Major enterprises in such towns consumed up to 90 % of all industrial funds and staff which meant that a jobless employee had no chance to get a new job in the same town. The government evolved a strategy to overcome these unfavorable conditions. But due to the coal-mining specific character, the strategy wasn't effective enough and it only caused conservation of social problems in the coal-mining regions.

Keywords: history of coal-mining industry, miners, unemployment, USSR, employment difficulties, Soviet economy in the 1950–1970s.

Author: *Bakanov S. A.* — Doctor of History, Assistant Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia); bakanov-s@mail.ru

References:

Bakanov S. A. 'Sovetskij opyt restrukturalizacii ugledobyvayushchej otrasli v konce 1950-kh — 1970-e gg. na primere predpriyatij podmoskovnogo ugolnogo bassejna', *Magistra Vitae: elektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arkhologii*, no. 2, 2016.

Bogdanov S. V. *Bezrobotica v istorii Rossii XX veka: prichiny, osobennosti posledstviya* [Candidate of History Dissertation] (Kursk, 2002).

Bukharenkova O. U. *Gosudarstvennaya politika po likvidacii bezroboticy v gody nepa* [Candidate of History Dissertation] (Moscow, 2008).

-
- Gordon L. A., Klopov E. V., Kozhuhovskiy I. S. *Krutoy plast: shakhterskaya zhizn na fone restrukturizacii otrasli i obshcherossijskih peremen* (Moscow, 1999)
- Grun V. D., Zajdenvarg V. E., Kilimnik V. G., Malyshev A. Yu., Popov V. N., Rozhkov A. A. *Istoriya ugledobychi v Rossii*, Ed. by B. F. Bratchenko (Moscow, 2003).
- Ilyukhov A. A. *Politika sovetskoj vlasti v sfere truda 1917–1929-gg.* [Doctor of History Dissertation] (Moscow, 1999).
- Perspektivy razvitiya ugolnoj promyshlennosti SSSR*, Ed. by B. F. Bratchenko (Moscow, 1960).
- Raynesh E. 'Ne zhenskoe delo', *Ugol Kuzbassa*, no. 5, 2015.
- Ugol'naja promyshlennost' SSSR za 50 let: statisticheskij spravochnik* (Moscow, 1968).
- Varlamov S., Kibalchich A. *Nov' drevnego Urala* (Moscow, 1975).
- Zubkova E. Yu. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo politika i povsednevnost 1945–1953* (Moscow, 1999).